

Известный философ и литературовед Дмитрий Иванович Чижевский (1894–1977) обращался к творчеству Лосева неоднократно. Об интересе Чижевского к лосевской философии свидетельствует тот факт, что в его библиотеке хранилось пять из восьми книг, изданных Лосевым в конце 1920-х годов². В письмах к о. Георгию Флоровскому, «чудесным и непостижимым образом» доставшему в 1968 г. микрофильм лосевской «Диалектики мифа»³, Чижевский сообщал, что имел оригинал этой запрещенной советской властью книги в своей библиотеке: «Книга Лосева была и у меня в Галле. Очевидно, за границу попало несколько экземпляров»⁴.

Благодаря Чижевскому, увидевшему, как и С.Л. Франк, в лосевских работах осуществление «целостной философской системы», имя их автора начинает фигурировать и в редакционной переписке парижского журнала «Современные записки» с мая 1928 г. по март 1929 г. И.И. Фондаминский 16 мая 1928 г. доводит до сведения М.В. Вишняка: «Чижевский – напишет о книге Бицилли и о 3-х книгах нового философа в советской России Лосева (очень *значительного* по отзыву Чижевского и по рецензии Франка в «Пути»). Чижевский меня спрашивал, не взял ли кто-нибудь уже Лосева – я ему ответил, что нет и что Лосев за ним»⁵. О том, что Чижевский даст «несколько рецензий о новых советских книгах (Лосев, Шпет)»⁶, И.И. Фондаминский повторяет вновь в письме М.В. Вишняку от 11 марта 1929 г. В итоге на страницах журнала появляется отзыв Чижевского – несколько развернутых пассажей о Лосеве в статье «Философские искания в Советской России»⁷.

Не только дух времени, но и чтение лосевских книг, вероятно, наводят Чижевского на тематику, вполне близкую Лосеву.

Так, тезисы доклад Д. Чижевского «Представитель, знак, понятие, символ»¹, сделанный 25 апреля 1928 г. на заседании Русского философского общества в Праге, заставляют вспомнить о лосевских исканиях в этой области (хотя имя Лосева здесь не фигурирует). О книгах Лосева 1927-го года Чижевский будет упоминать в докладе 23 ноября 1927 г. «Советская философия»², легшего в основу статьи в «Современных Записках».

Однако если русскоязычные отзывы Чижевского о Лосеве из «Современных Записок» или из напечатанной первоначально по-немецки книги 1934 года «Гегель у славян»³ (переиздана в 1939 г. в Париже⁴) цитируются или переиздаются⁵, то написанная по-чешски отдельная рецензия на первые четыре книги Лосева, появившаяся в 1928 г. в журнале «Ruch filosofický»⁶, до последнего времени не упоминалась и не входила ни в одну из библиографий работ о Лосеве. Лишь в 2013 г. она была внесена мною в новое издание лосевской библиографии⁷.

Для нашего издания текст был извлечен из журнала «Ruch filosofický» и скопирован чешским славистом, основателем и главным редактором серии «Pro Oriente» и соредактором журнала «Parrésia: Revue pro východní křesťanství» Михалом Ржоутилем и по его просьбе переведен на русский язык Марией Юдиной, за

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 11-03-00408а

² См.: Янцен В. Другая философия: переписка Д.И. Чижевского и Г.В. Флоровского (1926–1932, 1948–1972) как источник по истории русской мысли // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2008–2009 [9] / Под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М., 2012. С. 767.

³ Там же С. 722.

⁴ Там же. С. 724.

⁵ «Современные записки». Париж, 1920–1940. Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шруба. Т. 1. М., 2011. С. 433.

⁶ Там же. С. 464.

⁷ Современные записки. (Париж). 1928. № 37. С. 501–524.

¹ Тезисы доклада опубликованы В. Янценом в качестве приложения к работе «Русское философское общество в Праге по материалам архива Д.И. Чижевского», см.: Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2004/2005 [7] / Под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М., 2007. С. 202–206.

² Там же. С. 182–183.

³ Čiževskij D. Hegel bei den Slaven. Reichenberg, 1934; 2. Aufl. Bad Homburg, 1961.

⁴ Чижевский Д.И. Гегель в России. Париж: Дом книги: Современные записки, 1939.

⁵ Чижевский Д.И. Гегель в России. СПб., 2007.

⁶ Čiževskij D. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука. М.: Изд. автора, 1927; Он же. Философия имени. М.: Изд. автора, 1927; Он же. Музыка как предмет логики. М.: Изд. автора, 1927; Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы. М.: Изд. автора, 1927 // Ruch filosofický. 1928. Т. 7. С. 250–252. [Рецензия на книги].

⁷ Алексей Федорович Лосев: Биобиблиографический указатель: К 120-летию со дня рождения / Сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко; отв. за вып. В.В. Ильина / Ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий / Спецвыпуск Бюллетеня Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 17. М., 2013. С. 103.

что публикатор выражает сердечную признательность обоим. Будем надеяться, что наша публикация подтолкнет исследователей взяться за исчерпывающий анализ восприятия Чижевским лосевского творчества.

Елена Тахо-Годи

Д. Чижевский

А.Ф. Лосев: *Античный космос и современная наука*. Москва, 1927, стр. 550. Он же: *Философия имени*. Москва, 1927, стр. 24. Он же: *Музыка как предмет логики*. Москва, 1927, стр. 262. Он же: *Диалектика художественной формы*. Москва, 1927, стр. 250.

После почти полного четырехлетнего молчания философии в советской России, снова появляются несколько трудов, независимых от коммунистической идеологии. Главным образом, однако, издающиеся на личные средства авторов. Четыре вышеупомянутые работы Лосева относятся к таким книгам. Однако, их также необходимо отметить, так как тут в русской философской литературе мы имеем дело с совершенным *homo novus*: господин Лосев прежде ничего не публиковал, и его работы, как бы ни оценивать его взгляды, безусловно, относятся к наиболее значительным, которые принесла русская философская литература XX века.

Лосев – феноменолог. Однако он отличается от Гуссерля и русского ученика Гуссерля Г. Шпета тем, что не желает лишь созерцать *εἶδος*, но равным образом *создавать, диалектически развивать* систему *εἶδη*. Его «феноменологическая диалектика» связана более тесными узами с диалектикой Платона. В первой из вышеупомянутых книг Лосев пытается доказать единство диалектического метода Платона (прежде всего в «Пармениде»), Плотина и Прокла. Эта диалектика зиждется на пяти категориях «Софиста» Платона (*όν, ταυτότης, ἑτερότης, στάσις, κίνησις*), которые в своем единстве противоположностей являются основой *εἶδη*.

Книга Лосева предстает великолепным историко-философским исследованием, поскольку в ней впервые, со времен Гегеля, Прокл занимает первые ряды античных мыслителей. Автор пытается сблизить с нашим временем, при помощи понятий, им самим

найденным, мифологию и символику поздней античности, особую теорию неоплатонизма о пространстве и времени и пифагорейско-платоновскую теорию космической гармонии. У нас нет возможности здесь обсудить все богатство содержания этой книги. Во всяком случае, в ней мы можем найти множество центральных и ключевых интерпретаций текстов Плотина и Прокла, открывающих нам новые и далекие перспективы. Более подробное исследование античного понятия Космос, к сожалению, не нашло своего места в книге. Нам только необходимо отметить то, что автору была недоступна более новая богатая литература по античной астрологии.

Во второй книге диалектико-феноменологический метод применяется по отношению к философии языка. Лосев тонко вскрывает разные «слои» слова и имени. Для него имя не является лишь внешним обозначением, ярлыком, приклеенным к предмету, но *точкой, в которой познание и сущность* соединяются в совершенном единстве. Вот так можно смотреть на слово не как на поверхность, но как на *глубочайшую глубину сущности* (точка зрения, ранее представленная неоплатонизмом, романтизмом и русской религиозной философией). Анализ слоев слова приводит автора к сложной и разветвленной системе категорий, которые одновременно могут быть категориями языка и сущности. В заключении книги приведены очень тонкие замечания об основах, по мнению автора, тесно связанных областей – математики, феноменологии, диалектики, физиогномики, мифологии и т. д. – Книга является наилучшим из всего, написанного за последние годы на тему философии языка. Во многом также она родственна «Философии символических форм» Кассирера.

Третья из вышеупомянутых книг – *музыкальная эстетика* с феноменолого-диалектическим фундаментом. При самом проницательном авторском анализе, эта попытка является, однако, в определенном смысле неудачной. Музыка (в соответствии с античной традицией) значительно математизированна, но из-за этого во многом утратился ее спецификум. Чистые звуковые качества – вопреки мнению автора – являются противовесом «временным формам» (темп, ритм и т.д.) и «соотносящимся формам» (мелодия и гармония) и они центральны для музыки, но ее структуру математизирующий метод Лосева затрагивает лишь

незначительно. Однако то, что касается проблемы форм, анализ Лосева проникает очень глубоко.

Последняя книга являет собой попытку *создания всеобщего учения о художественных формах*. Однако самыми важными в книге являются различные дополнения к «Античному космосу» и многочисленные заметки исключительно исторического характера. В «Диалектике художественной формы», которую разрабатывает Лосев, не достает крови и плоти [содержимого]. Феноменологический анализ должен был бы нам раскрыть *εἶδος*, но отнюдь не *λόγος*, отнюдь не формально-логическое. К сожалению, автору удалось выразить лишь последнее. Оттого он теряется в пустом схематизме своих построений.

Все же мы должны признать, что в личности автора Россия обрела новую серьезную философскую силу. Явление Лосева также типично потому, что все его книги, безусловно, были написаны не в минувшем году, а возникли в период наибольшего хозяйственного и духовного кризиса в СССР. Только теперь книги могли быть опубликованы, разумеется, на личные средства автора. Это является доказательством того, что в России нет недостатка в философских исследованиях, и, возможно, еще многие работы ожидают своей публикации.

Книги Лосева также интересны потому, что обладают многочисленными общими точками соприкосновения с современной европейской философией, и, отчасти, именно с теми работами, которые были автору недоступны. Это – любопытное свидетельство внутренней необходимости в развитии философской мысли. Таким образом, работы Лосева чаще касаются западного обновления диалектики (то же в книге Кронера, которая осталась ему неизвестна), так же в «Философии символических форм» Кассирера, очерке о Платоне Стенсела, в новом понимании Платона у П.Г. Наторпа. Мы смогли бы, однако, больше перечислять *формулировки проблем, нежели решений*, общих с европейской философией. Итак, смеем надеяться, что в тот час, когда рухнут преграды, которые теперь в наибольшей степени тормозят духовное развитие России, русская философия не окажется в полной изоляции, но сможет занять достойное место в философии будущего.